

Снежный пастушок

После этого Владыка Обители так и не очнулся, но никто больше не осмеливался и на полшага приблизиться к владениям Сихэ.

Янь Цзиньтин по-прежнему безвыездно пребывал в Пурпурной террасе. Простые ученики могли видеть лишь огненные деревья и серебряные цветы, но не его самого.

Законы, которые испокон веков блюло его семейство, в руках этого молодого Владыки террасы вновь обрели незыблемую твёрдость.

С тех пор в словесных баталиях учеников Обители Сихэ появилась новая тема.

Что за зрелище явил бы миру поединок Пурпурного небесного огня и Канонического огня красного лотоса? Если бы огненные деревья и серебряные цветы Янь Цзиньтина сошлись в бою с Неугасимым пламенем Фэнъе, которое когда-то зажжёт Дань Фэн, кто бы одержал верх?

Сюэ Юнь, конечно, и сам задавался этим вопросом.

Но сейчас эта загадка приобрела особенно зловещий оттенок. Весьма вероятно, что он станет первым в истории Обители Сихэ обычным учеником, на которого одновременно обрушатся и Пурпурная глициния огненной темницы, и Клинок Фэнъе.

Чёрт, неужели этим ещё и гордиться надо?

Лицевые мышцы Сюэ Юня судорожно дёрнулись.

— Издеваешься надо мной? Младший боевой дядя, я слышал, ты тогда на дне озера Ганьцзян хоть и избежал смертной казни, но каждый день получал по несколько сотен ударов Пурпурной глицинией. Похоже, шрамы зажили, и боль забылась.

— А ты думаешь, почему я выбрал путь воина? — с усмешкой спросил Дань Фэн. — Племянничек, силёнок у тебя не хватит.

— Это у кого силёнок не хватит?!

— Я и без истинного огня уложу тебя за три приёма. Не думай об этом, возвращайся под крыло своего наставника-наседки.

Если только его не задевали за живое, напоминая о тени, Дань Фэн редко кому уступал в словесной перепалке. Приведя племянника в ярость, он едва заметно прищурился.

За один день три главы Обители Сихэ собрались в Долине Белого Облака — такое происходило впервые.

Владыка Обители приказал не использовать истинный огонь за пределами владений, но Янь Цзиньтин первым нарушил запрет, применив даже Пурпурную глицинию огненной темницы. Что же случилось в Долине Белого Облака?

На другом конце Зеркала малого возвращения духа.

До появления Пурпурной глицинии огненной темницы Долина Белого Облака утопала в вое метели.

Близился рассвет, на небе уже возшла звезда Небесного Волка. Снежная равнина вблизи отражала бледные полосы света — это были колеи, проложенные в толще льда. За пределами торгового пути не было и следа человека, лишь ледяной холод клубился в воздухе. Мир утопал в серой мгле, и даже очертания гор казались призрачными.

Ни один караван не решался продолжать путь в такое время.

И дело было не только в страхе перед метелью, но и в том, что...

В Долине Белого Облака разносился тихий, призрачный звук флейты. Он был приглушённым и постоянно менял направление, словно крик ночной вороны, кружащей в небе. С тех пор как началась снежная напасть, даже трёхлетние дети инстинктивно боялись этого звука.

Это был звук Флейты из карнизного льда!

Очевидно, где-то на этой снежной равнине ученики Сюэлянь вели охоту, выискивая то, что они называли «благоуханием плоти».

На склоне горы, освещённой звездой Небесного Волка, внезапно появились большие белые тени. Они катились, словно комья ваты, и, разбегаясь во все стороны, шевелили тонкими конечностями...

Это были стада скота.

Белые лошади, белые овцы, белые быки...

Все они были неестественно тучными, словно надутые пузыри, сквозь шкуры которых, казалось, пробивался свет. Даже в мирное время не увидишь таких откормленных животных. Они беззаботно спускались со снежной горы и медленно поедали что-то под снегом.

Белые лошади были самыми быстрыми и бродили у подножия горы. Белые овцы, помедленнее, сбились в пушистые стада на склонах. Несколько белых быков лежали в снежных ямах на вершине. Независимо от того, где они находились, все животные не выходили за пределы этой снежной горы, словно их сдерживала невидимая узда.

В метели невидимая рука пасла их!

Разбитое Зеркало малого возвращения духа, наполовину занесённое грязным снегом, прерывисто отражало несколько строк.

Владыка алтаря Сюэлянь. Снежный пастушок... метель — его кнут, он правит быками и овцами... не ешьте...

Красноносый белый бык подошёл и, высунув язык, слизал его. Последние слова умирающего с горечью растворились в воздухе.

Хруст!

Если в этом месте разбилось Зеркало малого возвращения духа, значит, как минимум один отряд учеников Союза Бессмертных попал в беду. Где они теперь?

С каждым движением челюстей бык заглатывал целые горы снега и камней. Снежная гора быстро поддавалась, и всё больше и больше быков и овец проникали внутрь. Дыры соединялись, постепенно образуя подобие колонн и дворцовых залов...

Очевидно, они не просто утоляли голод, а по велению своего хозяина строили из снежной горы огромный дворец!

Уши красноногого быка испуганно трепетали. Они защищали от метели, но не могли уберечь от призрачной песни.

— Ясная луна ждёт у горы, быки и овцы забыли дорогу домой. Густая трава, снежная завеса. Гей, гей, дух снега дарует милость, приходите есть, насыщайтесь. Белый бык — колонна, белая овца — балка, белая лошадь укажет путь, белый поросёнок вернёт меня домой...

Голос был по-детски наивным, но красноносый бык подпрыгнул, задрожав всем телом от ужаса.

Снежный пастушок пришёл, нужно опустить голову, чтобы он не увидел! Быстрее ешь, быстрее...

Песня оборвалась, и ребёнок удивлённо пискнул.

— Почему не ешь? Что-то вспомнил?

Метель превратилась в длинный кнут и хлестнула с воздуха.

Красноносый бык жалобно замычал и, откатившись в сторону, резко замер.

Два тонких пальца легко схватили его за ухо.

— Куда ты бежишь, бычок?

Пастушок лежал у него на спине и, свесив голову, смотрел на него своими тёмными, влажными глазами. Взгляд был настолько нежным и близким, что сердце сжималось от тоски.

— Ты хочешь сказать, что ты человек?

Из глаз красноносого быка потекли слёзы, он жалобно мычал.

Пастушок погладил его по уху и вдруг с силой дёрнул. С приглушённым треском, словно рвётся ткань, он оторвал ухо вместе с куском окровавленной плоти и швырнул его на снег! Красные мышцы сократились, вцепившись в землю, и на мгновение приподнялись. Но предсмертная агония этого куска плоти была недолгой — он тут же замёрз.

Снежный пастушок прижался своим тёмным глазом к обнажённому позвоночнику красноносого быка и, коснувшись его пальцем, сказал:

— Нет здесь никакого человека. Под бычьей шкурой — бычьи кости. Где же человек?

Красноносый бык с грохотом рухнул на землю, рассыпавшись в груды снега.

Снежный пастушок зачерпнул горсть снега и сунул её в мешок из овечьего кишечника на поясе, что-то бормоча себе под нос. Вскоре из мешка потекла вязкая кровавая жижа, и на землю выпали три слепых поросёнка.

У каждого из них был пучок бледных красных щетинок — за ухом, на шее, на спине. Вместе они в точности повторяли оторванный кусок плоти.

Самый крупный из них первым открыл глаза. На его пяточке всё ещё виднелось красное пятнышко.

В одно мгновение он переродился, но так и не смог вырваться из круга перерождений животных.

Разорванный на три части, красноносый поросёнок смотрел на мир ещё более затуманенным взглядом.

...Кто... кто я?

Не ешь это больше, иначе... всё забудешь!

Воспоминания многих людей теснились в этом теле, крича от боли, и от этого у него кружилась голова. Вскоре выражение его морды стало безразличным, и он покорно принялся грызть снег.

Внезапно обвалился кусок скалы, и оттуда хлынула красно-чёрная маслянистая жидкость с сильным запахом селитры. Там, где она протекала, снег мгновенно испарялся. Красноносый поросёнок взвизгнул от боли, но пастушок ударом ладони повалил его на землю.

Пастушок босиком вскочил на него и злобно уставился на маслянистую жижу.

— Горючее масло, какая гадость! Дух снега, даруй свою милость, очисти это место!

От резкой боли к красноносому поросёнку на мгновение вернулся рассудок.

Он не знал, что такое горючее масло, но всё, что было связано со словом «огонь», Сюэлянь считали своим врагом.

И действительно, пастушок хлопнул в ладоши, и десяток свиней, быков и овец взмыли в воздух. Упав на землю, они разлетелись на куски, превратившись в кровавый ковёр. Их белые головы, безразлично устремлённые в небо, обрамляли этот ковёр.

Три вида жертв были готовы, и Снежный пастушок тут же начал громко молиться.

— Великий Озёрный Дух Снега... ниспошли свою милость... бескрайняя чистая ци, войди в мою ладонь... Здесь разлилось горючее масло, и жар поднимается из-под земли. Ученик готов рискнуть своей жизнью, чтобы воздвигнуть алтарь для духа снега. Прошу, даруйте мне Снежный гвоздь из ледяного мозга, чтобы он помог мне!

Ковёр из туш животных непрерывно колыхался. Внезапно, словно лепестки лотоса, головы животных сомкнулись, их глаза стали пугающе белыми, и из центра медленно поднялся длинный, сверкающий холодным светом шип.

Красноносый поросёнок затрепетал от ужаса.

Священный артефакт Сюэлянь, Снежный гвоздь из ледяного мозга?

От его ужасающей ауры таким жалким животным, как они, оставалось лишь покорно ждать своей участи!

Снежный пастушок уже собирался взять шип, но вдруг скривил губы и бросил быстрый взгляд на небо. Среди мерцающих звёзд одна вспыхнула особенно ярко.

Что это?

В мгновение ока звезда приблизилась, её свет был настолько ярким, что казалось, будто прямо перед лицом взорвалось целое соцветие огненных деревьев и серебряных цветов. Горючее масло на земле тут же воспламенилось, превратившись в извивающуюся огненную змею, которая вырвалась из горы...

На белом личике пастушка остался чёрный ожог. Он провёл по нему тыльной стороной ладони и замер.

На обычном ребёнке этот жест мог бы показаться забавным, но красноносый поросёнок не мог не заметить убийственную ярость в его глазах.

Техника конденсации снега!

Нападающий думал, что, спрятавшись в тени, он сможет избежать наказания? Не говоря уже о бесчисленных быках и овцах, стоило активировать Технику конденсации снега, как каждая снежинка на горе превращалась в мрачный глаз Снежного пастушка.

Но красноносый поросёнок быстро понял, что нападающий и не собирался прятаться. Даже он отчётливо его видел.

Молодой заклинатель в чёрной одежде стоял на скале. В позе арбалетчика он держал ветку пурпурной глицинии с цветком. Одним движением он срезал боковой бутон, и цветы глицинии посыпались дождём.

Его брови были тёмными, а лицо — бесстрастным, что создавало ощущение отстранённой, небесной прямооты. Лишь в глазах, похожих на холодные звёзды, закалённые в огне, можно

было разглядеть след духовного корня огня.

Но... сражаться с Сюэлянь в этом месте?

Снежный пастушок взмахнул своим снежным кнутом, и вся гора затрещала. Лёд начал трескаться, и снег хлынул вниз. Это были снежные призраки, дремавшие подо льдом. Они наперегонки устремились к заклинателю в чёрном, и их натиск был поистине ужасающим.

А в руках у другого была лишь одна ветка.

Тысячи воинов устремились в бездну.

Красноносый поросёнок, учуяв приближение жестокой битвы, вздрогнул.

Беги!

Воспользовавшись лавиной, он прыгнул и со всех ног бросился бежать. Но, к сожалению, хоть он и строил дворец под ударами снежного кнута день и ночь, он не знал дороги с горы, словно его душа была заперта в том маленьком мешке из овечьего кишечника.

Неизвестно, сколько он кружил, но в итоге его передние ноги подкосились, и он упал в сугроб.

Голова кружилась. Он поводил носом и вдруг уловил странный, вызывающий слюноотделение запах жареного мяса.

И ещё звук — кто-то ел. Сначала разрывал хрустящую корочку, а затем с шипением втягивал горячий жир.

Это была не иллюзия.

К нему спиной сидела тучная фигура в золотом одеянии. Она расположилась на огромном валуне, а рядом стоял медный котёл, в котором ярко горел огонь. На вертеле жарилась половина свиной туши, её кожа была румяной и хрустящей и время от времени потрескивала.

Что за день сегодня? Сначала с неба падал огонь, теперь кто-то жарит мясо на снегу. Все бесстрашные чудаки собрались в одном месте. Но откуда это мясо...

Нет, не вернуться. Кем бы он ни был раньше, попав в стадо Снежного пастушка, он становился лишь скотом на убой. Даже если вскрыть его плоть, разницы не увидишь.

Заклинатель вытер губы салфеткой и обернулся. Под его головным убором виднелись семь или

восемь кос, заплетённых с золотом и нефритом. Лицо было круглым и пухлым, но на удивление белым и нежным, как у младенца.

Стоило красноносому поросёнку взглянуть на это лицо, как его голова раскололась от боли, словно её вот-вот разобьют молотом...

Это был кто-то знакомый!

— Ты меня ищешь? — спросил толстый заклинатель.

Красноносый поросёнок согнул передние ноги и изрыгнул ком грязного снега, в котором было разбитое Зеркало малого возвращения духа.

Толстый заклинатель, не обращая внимания на грязь, схватил его.

— Это... зеркало Юаньбэй?

Юаньбэй.

При звуке этого имени в сознании красноносого поросёнка всё помутилось, и что-то начало всплывать на поверхность.

Точно, он был заклинателем по имени Цзинь Юаньбэй! А перед ним — его наставник, Цзинь Добао. Если в мире и был кто-то, кто мог бы его спасти, то только он.

Словно в подтверждение своих мыслей, красноносый поросёнок вытянул шею и крепко вцепился зубами в золотую бусину на косе Цзинь Добао.

— Ты... Юаньбэй? — спросил Цзинь Добао.

Красноносый поросёнок жалобно замычал. Цзинь Добао сложил руки в печать и приложил их к его голове. После жгучей боли, словно в мозгу что-то сгорело, запрет на речь был снят, и он наконец смог прерывисто закричать.

— Наставник, как больно, мне так больно, спаси меня!

— Что случилось?

— Я не знаю, я не знаю... Сюэлянь! Они схватили меня и бросили в круг перерождений животных! Мои руки, мои ноги... мой нос... а-а-а!

— Ты... чёрт побери, почему ты не сидел в Обители, как ты попал в руки Сюэлянь? — спросил Цзинь Добао.

Во рту у красноносого поросёнка было горько от невыразимой боли и раскаяния.

Он сбежал из Пурпурной террасы. Изначально это было пустяковое дело — игра в азартные игры. Его бы высекли, и на этом всё бы закончилось. Он не придавал этому значения и просто ждал, когда Цзинь Добао его вытащит.

Но, ожидая наказания, он случайно услышал, что в деле о кровавой бойне в Долине Белого Облака появились новые улики. С Жемчужинами, конденсирующими снег, кто-то что-то сделал. Расследовать это было легко — все жемчужины, от момента их изготовления в сокровищнице до выдачи ученикам, проходили через определённые руки, и все причастные были под подозрением.

Красноносый поросёнок понял, что дело плохо.

Подозрение падало прямо на него.

Как смотритель сокровищницы, он был нечист на руку. Он часто под разными предлогами задерживал жемчужины и сдавал их в аренду мелким кланам, а ученикам Обители выдавал их только в самый последний момент. Если с жемчужинами что-то случилось, пока они были у него, ему было бы не оправдаться.

Наставника не было, а Пурпурная терраса его бы не пощадила. Нет, нужно было бежать!

Он сбежал, чтобы найти те мелкие кланы и допросить их, надеясь искупить свою вину. Но по неосторожности попал в ловушку Сюэлянь и с тех пор терпел невыносимые мучения, не имея возможности даже умереть.

— Наставник, наставник, спаси меня! — плакал красноносый поросёнок. — Придумай что-нибудь, я не хочу больше быть животным.

— Ты с ума сошёл! Что Пурпурная терраса? Разве есть что-то, от чего я не смог бы тебя защитить? Но теперь... твоё тело ещё цело? — спросил Цзинь Добао.

Красноносый поросёнок зарыдал ещё горше. Его тело было уничтожено, осталась лишь тень души. Даже если его насильно извлечь, это верная смерть, а то и новое перерождение в животном.

Но даже в таком положении Цзинь Добао мог его спасти.

— Захват тела! — выпалил красноносый поросёнок. — Наставник, если ты найдёшь мне новое тело, я буду спасён.

Лицо Цзинь Добао помрачнело. Его широкие ладони, словно раскалённое железо, легли на его голову.

— Это запретная техника! Идти против воли небес, это отнимет у тебя восемь жизней благодати. Откуда ты это знаешь?

— Запретная техника? — стиснув зубы, спросил красноносый поросёнок. — Разве наставник не помог Сюэ Юню захватить тело?

Цзинь Добао молчал, лишь тяжело вздохнул.

— Он тебе сказал?

— Ему и не нужно было говорить. Метка на его спине, я видел её в древних трактатах о формациях, она похожа на печать захвата тела. А у тебя, наставник, до вступления в Обитель была такая репутация...

Прошрое Цзинь Добао было не безупречным. В молодости, будучи мастером формаций, он был одержим деньгами и натворил немало бед. Позже, под влиянием Владыки Обители, он исправился и вступил в Обитель, но не перестал заниматься формациями. Поэтому, хоть он и улыбался всем, ученики его побаивались.

Любой, зная, что его наставник владеет запретной техникой захвата тела, не мог не опасаться, что однажды его собственное развитие будет отдано другому.

Красноносый поросёнок тоже боялся этого, пока снова, набравшись смелости, не рассмотрел печать на спине Сюэ Юня и не понял, что что-то не так. Эта печать уже была использована. Судя по времени, это произошло, когда Сюэ Юнь только вступил в клан.

То есть, так называемый «Сюэ Юнь» на самом деле был блуждающей душой неизвестного происхождения. Цзинь Добао помог ему захватить тело, даровав ему превосходный талант к духовному корню огня, и всячески потакал ему, позволяя бесчинствовать в Обители. Как тут не позавидовать?

Почему? Почему Цзинь Добао так поступил?

Цзинь Добао вздохнул.

— У меня... у меня с ним кармическая связь.

— Опять кармическая связь! Наставник, когда ты брал меня в ученики, ты тоже говорил о кармической связи. Ему можно, а мне нельзя? Я теперь переродился в животном и скоро всё забуду, наставник!

Не успел он договорить, как Цзинь Добао отпустил его. На его запястье висели чётки из восемнадцати нефритовых бусин. Под его скорбные вопли они уныло качались. Большинство бусин были мутными, лишь одна, в центре, была кроваво-красной.

— Видишь, наша с тобой кармическая связь уже исчерпана. Как тут можно изменить волю небес? — Цзинь Добао перебрал чётки и взял самую бледную бусину, почти серую. С лёгким усилием он растёр её в порошок. — Мы были наставником и учеником. Я не хочу однажды, жаря мясо, наткнуться на своего ученика. Так что, Юаньбэй, я помогу тебе.

Он не мог помочь Цзинь Юаньбэю захватить тело и не владел техникой обращения смерти вспять. Но избавить его от круга перерождений животных было возможно.

Над Долиной Белого Облака висело ночное звёздное небо, и Призрачный путь Скорбного источника тихо струился в невидимых высотах.

— Юаньбэй, когда будешь перерождаться, беги быстрее, родишься в богатой семье! — с чувством сказал Цзинь Добао.

Он достал шкатулку с зеркалом и, встряхнув её, выпустил наружу чёрно-красный огненный лотос. Окружающая его формация, собирающая холод, тут же не выдержала и начала сильно вибрировать.

— Столько лет прошло, а он всё такой же свирепый? — испугался Цзинь Добао.

Красноносый поросёнок, не издав ни звука, начал быстро таять. Вокруг него клубился чёрный дым, отчего огненный лотос разгорался всё ярче, его лепестки гневно раскрывались.

— Потерпи ещё немного. Когда твои грехи сгорят, ты станешь чистым и точно не попадёшь в круг перерождений животных, — сказал Цзинь Добао, изо всех сил поддерживая формацию и невольно поглядывая на Зеркало малого возвращения духа. Он только что говорил о тайных делах наставника и ученика и прервал проекцию, но теперь очень жалел, что не видел лица Дань Фэна.

Канонический огонь красного лотоса.

Это то, что Дань Фэн проиграл ему в споре много лет назад. Оно постоянно вспыхивало, и теперь наконец пригодилось. Для очищения души Цзинь Юаньбэя оно подходило как нельзя лучше.

Если бы Дань Фэн видел, как его последний истинный огонь сгорает ради ученика Цзинь Добао, какая бы это была месть!

Красноносый поросёнок лежал в кармическом пламени, шипя и превращаясь в белый дым. Цзинь Добао, сжалившись, сосредоточился на поддержании формации. Он разбросал вокруг Жемчужины, конденсирующие снег, и его руки замелькали в печатях. Но он не только не смог сдержать жар, но и его лицо покраснело от жара.

Чёрт, чем питается этот Дань Фэн, что у него такой сильный истинный огонь!

Постойте-ка, неужели этот старый огонь может так его напрягать?

Цзинь Добао что-то понял и резко обернулся.

И действительно, за скалой бесшумно появилась фигура заклинателя в чёрном. Ветка пурпурной глицинии была закинута за спину, её узловатые ветви были чёрными, как железо.

Он стоял в нескольких шагах от формации и не входил. От его даньтяня исходил сильный жар. Такая печь рядом, да ещё и Канонический огонь красного лотоса с другой стороны — было бы чудом, если бы формация, собирающая холод, выдержала.

Лицо Цзинь Добао дёрнулось, и он не удержался:

— Янь Цзывэй, что ты здесь делаешь?

— Прячусь, — холодно ответил Янь Цзиньтин.

Как у этого парня хватает наглости говорить такое с таким невозмутимым видом!

— Вся Долина Белого Облака — восемьсот ли, а тебе непременно нужно было втиснуться сюда?
— спросил Цзинь Добао.

— Да, — ответил Янь Цзиньтин.

— Чёрт!

— Это ты следил за мной, — сказал Янь Цзиньтин.

Цзинь Добао, раздосадованный, вспылел:

— Я просто боялся, что ты снова будешь действовать без доклада! Уянь, бедный ребёнок, попал в руки Дань Фэна. Сколько же ему пришлось вытерпеть! А если ты его ещё и убьёшь... у меня и так мало учеников.

Он всё же чувствовал себя немного виноватым, к тому же это было не место для разговоров. Снежный пастушок был одним из самых опасных в Сюэлянь. После битвы он мог и не успеть зажечь благовония в память о своём любимом ученике... Подумав об этом, он изменил печать и, схватив Янь Цзиньтина за одежду, втащил его в формацию.

Новая волна снежных призраков прорвала лёд, но промахнулась, издав лишь пронзительный вой. Формация изменилась, и в бескрайней метели закружилась одинокая лодка. С невероятным, тонким равновесием она скрылась в потоках ветра и снега, не оставив и следа.

Впустив Янь Цзиньтина в формацию, Цзинь Добао покрылся потом. От его былой невозмутимости, с которой он жарил мясо, не осталось и следа.

— Вот уж действительно, вышел из дома и встретил призрака, — сказал Цзинь Добао. — Янь Цзывэй, в формации не сидят просто так. Впредь, в делах моего ученика, ты должен будешь закрывать на всё один глаз.

— Сюэ Юнь — твой сын? — неожиданно спросил Янь Цзиньтин.

— Что за чушь? — возмутился Цзинь Добао. — Я же сказал, это кармическая связь. В молодости я совершил ошибку, и он оказался в мире смертных... Нет, что у тебя за взгляд? Неужели и ты веришь в эти слухи?

Выражение лица Янь Цзиньтина оставалось ледяным и суровым. Если бы не знать его хорошо, никто бы не заметил в его глазах тонкого удовлетворения.

Плохо дело, я оплошал.

Цзинь Добао всегда считал его молчаливым и наивным, но сейчас у него возникло нехорошее предчувствие, что слухи в Обители станут ещё хуже. А заставить этого молчуна поклясться молчать было невозможно. В отчаянии он холодно усмехнулся.

— И ты вот так просто сбежал? У тебя же за спиной ветвь Пурпурной глицинии огненной темницы. Неужели не хватило смелости обнажить меч?

— Зачем обнажать меч? — спросил Янь Цзиньтин.

— Тогда зачем ты зажёг огненные деревья и серебряные цветы?

— Здесь есть горячее масло, — ответил Янь Цзиньтин.

Этот ответ так поразил Цзинь Добао, что он на мгновение потерял дар речи. Горячее масло было странной вещью. Стоило поджечь его истинным огнём, как оно вспыхивало с невероятной силой, выжигая всё в радиусе нескольких ли и не утихая ни днём, ни ночью. Но оно сжигало и врагов, и своих, поэтому мало кто решался его использовать.

В самые тяжёлые годы снежной напасти кто-то откопал в древних книгах упоминание о горячем масле. Если бы удалось его поджечь и заманить туда снежных призраков, можно было бы выиграть время, а то и переломить ход войны.

Заклинатели с духовным корнем огня на какое-то время воспрями духом, и Владыка Обители не раз отправлял людей на поиски. Но горячего масла в мире больше не было, а те, кто ушёл, так и не вернулись.

Даже зная, что за этим стоят Сюэлянь, ничего нельзя было поделать.

И вот теперь, в Долине Белого Облака, появилось горячее масло?

— Ты сообщил Владыке Обители? — спросил Цзинь Добао.

— Он знает, — ответил Янь Цзиньтин.

Цзинь Добао, словно увидев призрака, отшатнулся от него.

— Ты снова одолжил ему свои глаза?

Янь Цзиньтин посмотрел на него и приложил руку к правому глазу. Его веки были узкими, как лезвия, а зрачки — глубокими и тёмными. От крайней сосредоточенности его взгляд казался упрямым. В правом зрачке медленно проступила тонкая линия бледно-голубого цвета, как трещина на фарфоре.

— Не надо, не беспокой Владыку! — воскликнул Цзинь Добао.

Янь Цзиньтин, не меняя выражения лица, убрал руку, и бледная синева тут же исчезла.

— Он не проснулся.

— Напугал до смерти, — сказал Цзинь Добао, хлопая себя по груди. — Если бы Владыка проснулся и его дантянь треснул ещё сильнее, моя совесть меня бы замучила.

— Сюэлянь послали Снежного пастушка, чтобы он построил здесь алтарь. Во-первых, чтобы ученики получили защиту духа снега и стали бессмертными. Во-вторых, чтобы подавить горючее масло, — сказал Янь Цзиньтин. — Они очень боятся. Возможно, количество горючего масла под Долиной Белого Облака намного больше, чем мы думаем.

Янь Цзиньтин снова замолчал, но гул Пурпурной глицинии огненной темницы выдал его минутное волнение. Цзинь Добао насторожился и, схватив несколько Жемчужин, конденсирующих снег, швырнул их в его сторону. Хотя он и не попал, Янь Цзиньтин посмотрел на него с бесстрастным выражением.

— Ветка зашевелилась, придержи её, не обожги меня искрами. С чего это вдруг? — спросил Цзинь Добао. — Ты же не собираешься воевать с горючим маслом?

— Мир скован льдом. Если бы удалось поджечь достаточно горючего масла... — медленно произнёс Янь Цзиньтин.

Цзинь Добао, словно услышав шутку, хлопнул себя по ляжке.

— Поздно, поздно! Не говоря уже о том, сколько горючего масла ты сможешь отбить у Сюэлянь, посмотри, как оно разбросано. Что, ты собираешься сжечь всю Долину Белого Облака?

Взгляд Янь Цзиньтина дрогнул.

— Чёрт, ты и вправду об этом думал! — воскликнул Цзинь Добао.

— Нет, — сказал Янь Цзиньтин.

Цзинь Добао не был обманут его спокойным тоном. Все, кто вышел из Обители Сихэ, были ходячими пороховыми бочками. Этот парень просто был завёрнут в ещё один слой бумаги. Под ним, кто знает, как бурлила огненная лава. Чем глубже она была запрятана, тем сильнее будет взрыв. Как сухие ветви Пурпурной глицинии огненной темницы — обычно неподвижные, но если уж зашевелиются...

Гул...

— Я тебе поверил, не сходи с ума, Янь Цзывэй! — сказал Цзинь Добао.

Его лицо наконец стало серьёзным.

— Бесполезно. Все эти годы, хоть мы и можем жарить мясо на снегу, это лишь жалкое выживание. Сколько людей осталось в мире?

— Тупик. Хоть горячее масло и кажется ключевой точкой, это лишь то, что Сюэлянь упустили из виду. Надеяться на него, чтобы переломить ход войны? В этом бескрайнем снегу, что может сделать один человек? Твой отец тогда взорвал свой даньтянь, но разве битва на горе Ман была выиграна?

В тёмных глазах Янь Цзиньтина вспыхнул яркий, до ледяного холода, огонь.

Цзинь Добао уже жалел о своих словах, понимая, что задел его за живое. Но тот, на удивление, прислушался к его совету и, прижав руку к ветке глицинии за спиной, заставил её замолчать. Новые цветы посыпались на его чёрную одежду.

Когда Пурпурная глициния огненной темницы начала цвести?

В памяти она всегда была чёрной, как железо, сухой веткой. Если и были цветы, то это были искры, высекаемые при ударе.

Цзинь Добао говорил с Янь Цзиньтином откровенно, не скрывая своего уныния, из-за дружбы с его отцом.

В начале снежной напасти Обитель Сихэ ещё не была сломлена. Они думали, что одного всепоглощающего огня хватит, чтобы растопить этот снег.

Но в битве на горе Ман, окружённые Сюэлянь, лучшие мастера Обители Сихэ истожили свой истинный огонь. Предыдущий Владыка Пурпурной террасы, Янь Ляо, пожертвовал собой, использовав Пурпурную глицинию огненной темницы, и, взорвав свой даньтянь, активировал всепоглощающую формацию. На тысячи ли вокруг всё живое было уничтожено, осталась лишь огненная воронка глубиной в десятки чжанов...

Но уже через полмесяца её засыпало белым снегом.

Ничего не осталось.

Безжалостный мир.

Цзинь Добао, вернувшись на то место и увидев снежную равнину, был сломлен. Янь Цзиньтин тоже смотрел, но он взял в руки ту сухую ветку глицинии, символ бывшего величия и поражения.

Любой, кто в юности видел такое — знал, что человеческие силы не безграничны, что следы на снегу исчезают, что всепоглощающий огонь — лишь пустой звук — терял половину своего пути совершенствования.

Хоть Пурпурная глициния огненной темницы и возродилась, Цзинь Добао знал, что в сердце Янь Цзиньтина всё ещё живёт этот барьер.

Он почесал лицо.

— Цзывэй!

— Я знаю. Я пришёл сюда не за горючим маслом, — сказал Янь Цзиньтин.

— Ну и славно, — с облегчением сказал Цзинь Добао, но тут же что-то понял. — Постой-ка, ты пришёл за моим учеником!

<http://bllate.org/book/16978/1588220>